

Конструкции причины с *как(о)* в истории русского языка¹

И.М. Кобозева (МГУ им. М.В. Ломоносова/Институт языкознания РАН), Н.В. Сердобольская (Институт языкознания РАН/ГИРЯ им. А.С. Пушкина)

1. Введение

Принято считать, что развитие системы союзов в целом и подчинительных союзов в частности в русском языке шло по линии уточнения их функций (см., напр., [Якубинский 1953: 266; Булаховский 1958: 398–9]), то есть уменьшения количества многозначных союзов в связи с ростом количества однозначных союзов. Для союзов причины общая картина очерчена в исторических грамматиках [Ломтев 1956; Борковский, Кузнецов 1965; Стеценко 1972, Руднев 2020]).

Не оспаривая этого положения, мы хотим на примере причинного значения многозначного союза *как*, показать, что процесс снижения индекса полисемичности союзов не был прямолинейным. Действительно, некоторые из многозначных союзов, выражавших среди прочих, причинное значение, в какой-то момент ушли из употребления (*яко*). Но другие, для которых первоначально причинное значение было нехарактерно (*како*), в некоторый период начинают активно употребляться в этом значении (уже в форме *какъ*) при том, что параллельно с ними функционируют однозначные причинные союзы (*понеже, занеже, потому что* и т.п.). Представляется, что именно широкое употребление *какъ* в причинном значении послужило основой формирования составного причинного союза *так как*. В силу этого *так как* включен в рассмотрение в настоящей работе. Известно, что этот союз является инновацией языка официально-деловой прозы конца XVIII в., вошедшей в литературный язык не ранее 40-50-х гг. XIX в. [Виноградов 1947: 719]. При этом союз *как* сохранил причинное значение по сей день, хотя и в ограниченном круге синтаксических контекстов и функциональных стилей. Так, значение причины присутствует в обособленных союзных оборотах *как* + ИГ:

(1) *Солдатские жены... стали просить его, как грамотея, писать за них письма к родственникам.* [П.А. Вяземский, 1830-1870]

При отсутствии обособления общее значение союзного оборота *как* + ИГ описывается как ‘в качестве’ [Шведова (ред.) 1980: 176] и / или ‘в роли’², ‘в функции’ (см. [Прияткина 1957] и приведенные в этой статье ссылки). А.Ф. Прияткина выделила в рамках значения ‘в качестве’ два подзначения: 1) определение предмета по функции (*Он был вызван в суд как свидетель*); 2) определение предмета по сущности (*Многие выступления выглядят как самоотчеты*) [Прияткина 1957]. В написанном ею же разделе “Русской грамматики” семантика данного союзного оборота при обособлении характеризуется как сочетание значений сущности и причины [Шведова (ред.) 1980: 176]. Мы далее будем называть такое употребление *как(о)* причинно-ролевым.

Заметим, что в современном кодифицированном литературном языке союз *как* выражает причинно-ролевое значение только в составе союзного оборота (“малой клаузы” в терминах формального синтаксиса) и не допускает его развертывания в придаточную клаузу, в то время как в разговорном варианте СРЯ (2а) и в просторечии или стилизации под него (2б) такие *как*-придаточные встречаются:

(2) а. *А как ты есть непризывной и лезешь сдуру добровольцем, то никто не всмотрится в цифры...* [А. Азольский, 2002]

¹ Работа написана при поддержке гранта РНФ № 22-18-00528.

² В типологических исследованиях подобные сочетания также рассматривают как средство кодирования роли участника ситуации (Fortescue 2010), и их обозначают термином *role phrases* (Haspelmath, Buchholz 1998:).

б. *Я вобще не расположен Женский пол лупить по рожам Али портить перманент, Как я есть антеллигент — Я читаю по складам И ценю успех у дам.* [Б. Левин (1965-1994)]

В древнерусском языке союз *яко*, книжный эквивалент союза *како*, мог, помимо прочего, вводить причинные придаточные (Истрина 1923: 186-188, Ломтев 1956: 513). Союз *како* также встречается в причинном значении в древнерусском (3) и в старорусском (4) языке:

(3) побѣжа михалко із города къ сѣму георгию. **како** было ему своимъ полкомъ оуразити нашу сторону. (НЛ, 1255 г. Цит. по [Срезневский 1893])

(4) И мы, **как** есть государи крестьянские, толмача твоего Аврама смертью казнити не велели есмя... (Грам. Иоанна Гр., 1574 г. Цит. по [Булаховский 1958: 371]).

Однако конкретные этапы развития данных конструкций в работах не фиксируются. Настоящее исследование, таким образом, призвано ответить на следующие вопросы:

Как соотносится во временном плане утрата значения причины у *как* и развитие данного значения у *так как*?

На каком этапе возникает употребление *как* в причинно-ролевом значении?

Какое значение *како* служит первоисточником для развития значения причины? Или употребление в контекстах причины – это результат полифункциональности *како*?

Каковы стилистические ограничения на употребление *как(о)* в значении причины и как они меняются в ходе утраты придаточных причины с *как(о)* и изменения синтаксической конструкции роли-функции?

Исследование основывается на анализе рукописей XI–XV вв. (Приложение 1), рандомизированных выборках из Национального корпуса русского языка (помета НКРЯ) для временных периодов, начиная с XVI в., а также примеров из словарей. Мы рассматриваем перечисленные выше конструкции в ходе языковой эволюции, используя методологию диахронических синтаксических исследований, предложенную в [Hilpert, Gries 2009], [Diessel, Hilpert 2016].

2. Развитие значений показателя *как* в ходе эволюции русского языка

2.1. Функции подчинительного союза *как* в современном русском языке

Морфологически простой союз *как* – самый многозначный подчинительный союз в СРЯ.

В совокупности в грамматиках, напр., [Шведова (ред.), 1980] и словарях, напр., [ОСРЯ 2003] у него выделяются следующие значения (или употребления):

1) изъяснительное: *Он вспомнил, как она даже не посмотрела на его подарок;*

2) времени: *Как стемнело, пошел дождь;*

3) сравнения: *Мы шли, как ходят по скользкому льду.;*

4) причины (см. далее)

5) условия : **Как** начнет читать, от книги его не оторвешь, пока не прочтает всю [ОСРЯ]

6) роли / функции: *Он сейчас работает как терапевт. Он использовал эту открытку как закладку.*

В чем причина столь широкой полисемии?

Как писал Л.П. Якубинский (1953: 266), русские подчинительные союзы -- “это в большинстве вчерашние местоимения или местоименные наречия”. Источник, из которого развился союз *как* – вопросительное наречие образа действия [Шведова 1998: 149]. Это наречие соотносится с широким спектром возможных семантических типов переменных при предикате *Р* вопроса *Как Р?*:

1) обстоятельственных:

- а) «образ действия» в узком смысле - признак (параметр) действия, состояния и т.п., напр., *Как он плыл? — Быстро (Стилем брасс и т.п.); Как он болел? — Тяжело.* (Это центр семантической зоны, покрываемой вопросительным местоимением *как*, поскольку другие вопросительные местоимения не могут выражать вопрос о признаке действия);
- б) «состав ситуации» [Филипенко 2003], напр., *Как ты провел лето? Как варят борщ?* и т.п. (Ответом может быть целый рассказ, инструкция);
- в) причина, напр., *Как такое могло случиться?* (В ответ приводятся обстоятельства, послужившие причиной известной ситуации);
- г) условие *Как этому научиться? — Чаще упражняться* (Ответом служит условие осуществления ситуации)

2) актантных, напр.: *Как тебя зовут? -- Иван*

Семантика переменной в *как*-вопросах зависит от контекста аналогично *какой*-вопросам [Рахилина 1990].

Такая широта семантической зоны исходного местоимения объясняет многозначность образовавшегося от него союза, наблюдаемую в истории русского языка. Употребление союза *как* в причинном значении в принципе не удивительно, коль скоро обстоятельство причины входит в семантическую зону наречия *как*.

Как отмечалось во введении, в кодифицированном литературном языке союз *как* выступает в причинном значении только в нефинитных малых клаузах. При этом, вопреки утверждаемому в [Шведова (ред.) 1980], формальное обособление союзного оборота, как в (1), не является необходимым условием для реализации причинного значения, ср. (5)-(6):

(5) *Его выгнали **как** бездельника.* (Пример из [ОСРЯ 2003])

(6)...он [Набоков] *выбирает только то, что подтверждает его писательские взгляды; все остальное отбрасывается **как** не заслуживающее внимания.* [Вступление Ив. Толстого к "В. Набоков. Две лекции по литературе"]

Кроме того, в разговорном варианте СРЯ, а также в просторечии (и его отражении в художественных текстах) союз *как* в причинном значении может вводить финитную биноминативную клаузу со связкой *быть*, см. примеры (3) выше.

2.2. Полифункциональность и многозначность *как(о)* в истории русского языка

В древнерусском и старорусском языке область значений вопросительной переменной в исходной для КАКО функции вопросительного местоимения была еще шире, чем у современного КАК. В нее дополнительно входили:

- свойства абстрактных объектов:

(7) И рече Володимеръ **како** есть вѣра ваша 'И сказал Владимир: «**Какова** ваша вера?»' (Лавр, 1377 г.)

- время:

(8) Есть ми, господине, отъ твоего государя до тебя речи наѣдине, и ты, господине, **какъ** велишь у себя быти? (Крым. д. II, 1516 г., пример из [Словарь русского языка XI-XII вв. 1975] на временное значение *какъ* и *како*).

У союза *как(о)* помимо значений, представленных в СРЯ (см. раздел 1), засвидетельствовано значение цели, см. [Словарь русского языка XI-XII в. 1975], не представленное среди значений вопросительного *как(о)*, однако это значение реализуется только в контекстах косвенной модальности.

В контексте нашего исследования важно, что при помощи вопросительно-относительного *како* оформлялись вопросы о причине, см. (9), где *како* вводит вопрос о причине в косвенной речи. Такая интерпретация косвенного вопроса подтверждается наличием однозначно причинного союза *бо* в прямом ответе на вопрос:

(9) *вземъ разда □ дружинѣ. въпрашаемъ же, **како** не встави себѣ ничтоже, рече мое **бо** тѣло не можетъ то(гѣ) понести* [НКРЯ. Пчела, не позже XIII в.]

Самые ранние примеры *како* в значении причины относятся к XIII в., см. (10). (На наш взгляд, *како* в (10) выступает именно в причинном значении, а перевод *после того как* не отражает явной причинно-следственной связи между публичным оскорблением сестры автора и последующими действиями мужа этой сестры.)

(10) [како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на доцьєрє єи нє азовало єси сьтроу мою коровоу и доцьєрє бладєю] а нынєца фєдо прьєхаво оуслышаво то слово и выгонало сетроу мою и хотело потати. (НГ 531, XIII в.)

‘После того как ты возложил поручительскую ответственность (букв.: поручительство) на мою сестру и на ее дочь [и] назвал сестру мою курвою, а дочь б...дью, теперь Фед (Федор) [муж сестры], приехавши и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить.’

Каким образом возникает это значение?

2.3. Возможные сценарии развития значения причины у *како*

Гипотеза 1. В целом ряде языков наблюдается Совмещение сравнительного и причинного значений. Известно, что в некоторых европейских языках, как и в русском, причинные союзы могут кодироваться тем же словом, что и союзы сравнения, ср. фр. *comme*, англ. *as*, что показывает неслучайность такого объединения значений. А.А. Потебня так объяснял близость сравнительного и причинно-следственного значений в связи с метонимией в выражениях типа *пьяное вино*: «Первоначальное возникновение вышеупомянутых выражений ... может быть отнесено к тому глубоко древнему состоянию мысли, при коем отношение причины и следствия возникает (между прочим) из отношения сходства, так что следствие является лишь видоизмененным подобием причины» [Потебня 1968: 396-397]. А Л. Якубинский развивает эту мысль уже применительно к полисемии союза *как*: «... столь же несомненно, что отношения «сходства» и «подобия» осмыслялись как «причинные», знаменательные, «неслучайные», как бы ни были они случайны объективно» [Якубинский 1953: 258].

Данной гипотезе противоречит тот факт, что *какъ* стал союзом, выражающим отношение сходства (в отличие от тождества), только в старорусском языке [Руднев 2020: 399], а в древнерусском языке, начиная с самых ранних памятников оно выражалось союзом *акы* (> *аки*). Причинное же значение появляется у *как(о)* уже в XIII в. Только в XIV в. союз *как(о)* стал употребляться для выражения отношения тождества по некоторому параметру, обычно не называемому, но ясному из контекста. В русской грамматической традиции не принято делить значение сравнения на два подзначения: тождества и сходства (подобия) по той причине, что часто они кодируются одинаковыми средствами: союзом *акы* в древнерусском, союзами *аки* и *какъ* в старорусском и союзом *как* в СРЯ. Однако в типологии такое деление проводится, поскольку в целом ряде языков эти два значения кодируются по-разному. Соответственно, выделяются эквативы (показатели тождества) и симилятивы (показатели сходства). Заметим, что и в древнерусском, и в старорусском языке, и в СРЯ в качестве маркированного экватива выступает коррелятивная конструкция *такой /так(о)* (же) Р, *как(о)* Q. А одиночный союз *как(о)* интерпретируется как экватив или симилятив в зависимости от контекста. При этом *как(о)* раньше начинает появляться в эквативных контекстах с имплицитным параметром сравнения, и много позже -- в симилятивных (подробнее смотри [Kobozeva, Serdobolskaya 2021]). Обратим внимание на то, что симилятивное значение близко к значению образа действия, выражаемого придаточным с относительным *как(о)*, ср. *Она танцует, как ее научила мать* (образ действия) и *Она танцует, как когда-то танцевала ее мать* (симилятив).

Гипотеза 2. В работах типологов по грамматикализации обсуждается переход подчинительных средств, кодирующих временные отношения, в союзы причины (см. temporal

> cause в [Heine Kuteva 2002: 291]). Данный переход возможен как у нейтральных временных союзов типа *when* ‘когда’, так и у маркеров со специализированным значением, например *since* ‘с (о времени)’.

Действительно, временное значение у *как(о)* широко представлено в древнерусском языке уже в XI-XIII вв. в памятниках деловой письменности [Ремнева 2003: 93], см. пример (11):

(11) **како** придуть латинескый гость у городъ с волока дати им княгини поставъ частины (СГ, 1229 г., цит. по [Ремнева 2003: 93])

тогда как самые ранние примеры причинного относятся к XIII в. Однако, временное значение не основное для *как(о)*. Помимо этого союза имелось много собственно временных союзов, кодирующих различные временные отношения (*когда, дондеже, коли, докаместа* и др.). Основным для *како* является значение образа действия, или способа.

Гипотеза 3. В (Kortmann 1997) в качестве одного из возможных сценариев рассматривается переход маркеров образа действия, или способа (*manner*) в маркеры причины, см. схему на Рис 1.

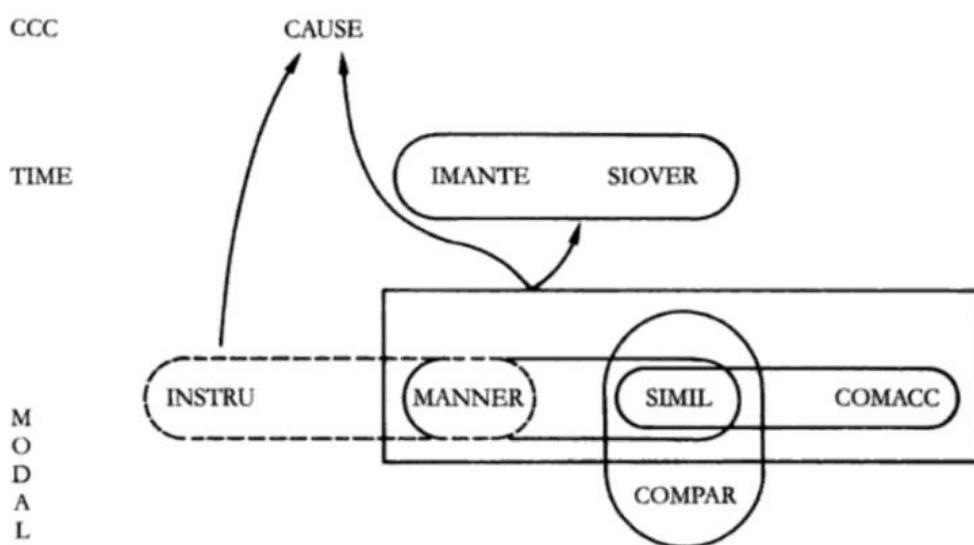

Рис. 1. Источники маркеров со значением причины (Kortmann 1997).

В схеме один из путей ведет от кластера “инструмент -- способ -- подобие”, центральное место в котором занимает маркер способа, к маркеру причина.

Гипотеза 4. Мы предполагаем, что причинное значение у *как(о)* возникает на базе вопросительного местоимения *како*, уже употреблявшегося в причинном значении, точно так же, как временное значение этого союза возникло на базе временного значения вопросительного *как(о)*, то есть в соответствии с типологическим обобщением “от вопроса к подчинительному союзу” (“from question to subordination”) [Heine, Kuteva 2006: 204-243]. Наша гипотеза близка к точке зрения Т.П. Ломтева, который писал: “На позицию придаточного причины могли передвигаться предложения, которые выражали вопрос по признаку образа действия... Они принимали на себя функцию причины действия, выраженного глаголом дугото предложения...” и иллюстрировал это на примере союза *яко* [Ломтев 19..: 512-513]. Отличие состоит в том, что с нашей точки зрения на позицию придаточного причины “передвигаются” предложения, которые уже сами по себе выражают вопрос о причине, а сдвиг от значения способа / образа действия (исходного для местоименных наречий *яко* и *как(о)*) к значению причины состоялся еще в рамках простого независимого вопросительного предложения.

- Ломтев, Кортман

вопросительное наречие способа	→ союз способа	→ причинный союз
-----------------------------------	----------------	------------------

- наше предположение

вопросительное наречие способа	→ вопросительное наречие причины	→ причинный союз
-----------------------------------	-------------------------------------	------------------

Предлагаемый нами сценарий представляется более естественным. Его второй этап соответствует широко представленному в языках мира переходу вопросительных местоимений, выражающих вопрос об X в союзы, выражающие отношение X (вопрос о времени -- временной союз, вопрос о причине -- причинный союз). При этом первый этап -- семантический сдвиг в рамках вопросительного местоимения 'способ / инструмент > причина' объясняется действием когнитивного механизма концептуальной метафоры: как действие определенным способом с применением определенного инструмента приводит к возникновению определенного результата, так событие-причина приводит к возникновению события-следствия, иными словами, причина события -- это способ, которым оно было вызвано.

3. Эволюция конструкций с *как(о)*, выражающих значение причины

В настоящем разделе мы исследуем эволюцию различных конструкций с *како* (*какъ*, *как*) в значении причины и попытаемся определить состоятельность предложенных выше сценариев развития данного значения. Исследование основано на выборке примеров из рукописей и опубликованных древнерусских текстов (см. Список источников), а также на выборках, составленных на основе рандомизированных запросов из НКРЯ и на примерах из исторических грамматик и словарей русского языка. Все примеры были размечены вручную. В целом, анализ данных показал, что значение причины до XVIII в. встречается довольно редко. В выборке из текстов XI–XVI вв. примеры на причину единичны и зачастую допускают также другие трактовки, например, временная интерпретация, как в (13) выше. Из 200 случайно взятых корпусных примеров XVII в. лишь три примера на причину, причем один из них неоднозначен. Однако в дальнейшем количество примеров со значением причины возрастает, ср. данные таблицы 1. В силу этого, мы провели более детальное исследование данных XVIII–XX вв. и использовали также стилистическую дифференциацию. Как известно, употребление *как* в придаточных предложениях причины воспринимается как архаичное уже в XIX в. (см. цитату из “Записок” Д.Н. Свербеева, приведенную в [Виноградов 1947: 719], где причинный союз *как* назван “вышедшим из употребления”), поэтому выборку примеров XX в. мы ограничили документами, принадлежащими к первой трети века.

	Всего предложений в выборке	<i>Как</i> в значении причины и <i>так</i> <i>как</i>	Процент
Первая половина XVIII в.	403	15	3,7
Вторая половина XVIII в.	370	31	8,3
Первая половина XIX в.	443	42	9,5
Вторая половина XIX в.	487	28	5,7
Первая треть XX в.	415	29	6,5

Таблица 1. Количество конструкций причины с *как(о)* и *так как* в рандомизированных выборках XVIII–XX вв.

Как показывает таблица 1, расцвет *как* в значении причины приходится на вторую половину XVIII в. – первую половину XIX в. Мы использовали немного более широкую выборку – с начала XVIII в. до конца первой трети XX в., чтобы проследить, как меняется

употребительность различных конструкций причины и какие значения и конструкции исчезают/появляются в первую очередь.

Все конструкции с причинным *как* и *так как* были (довольно условно) разделены на следующие четыре типа:

- *как* с именной группой или нефинитной предикацией (значение роли в терминах [Fortescue 2010]):

(11) *Девки ... непрерывно взглядывают на улицу;... всякая из них старается занять место ближе к окошку, как самое лучшее и способное; ибо мимопроходящие мужчины всегда ей первой делают любовный взгляд.* [НКРЯ: М. В. Ломоносов, 1748]

Уточним, что не все сочетания такой структуры имеют значение причины, например:

(12) *Во Франции Лагарп, как критик, устарел, но Курс литературы его, как летопись, как справочная классическая книга, не совершенно утратил свое значение и достоинство.* [НКРЯ: П. А. Вяземский. Старая записная книжка. 1830-1870]

Здесь именная группа с *как* имеет ролевое значение, однако без оттенка причины: Лагарп устарел в качестве критика, а не потому, что он является критиком; в отличие от (1), где контекст показывает, что субъект не только оценивает ближе к окошку место («как лучшее и способное»), но и именно по причине такой оценки выбирает это место. В ходе работы мы вручную отбирали примеры на роль именно со значением причины.

- *как* с финитной клаузой и коррелятом (соотносительным местоимением в главной клаузе – чаще всего это *то*, реже *так*, *тогда*, *по сему*, *по тому*, *следовательно* и др.):

(13) *...если б они говорили о чем-нибудь серьезном и задушевном, то прибегли бы к русскому языку, но как подобных разговоров здесь не ведется, то обходятся посредством французского.* [НКРЯ: И. С. Аксаков. Письма родным. 1849–1856]

(14) *Но как сие здравому рассуждению и началам психологическим противно, чтоб душа не была свободная ..., следовательно, не имеем мы врожденных о вещах понятий.* [НКРЯ: Д. И. Фонвизин. Наказание гиерофиту [перевод басни Л. Хольберга с немецкого]. 1761–1765]

- *как* с финитной клаузой без коррелята:

(15) *Великий князь поднял его, посадил в кресла, и как в нем были еще знаки жизни, приказал бережно отнести домой, в квартиру его в 1-й линии.* [НКРЯ: Н. И. Греч. Записки о моей жизни. 1849–1856]

- *так как* с контактным расположением частей:

(16) *Савин уже спал, так как было около десяти часов вечера.* [НКРЯ: Н. Э. Гейнце. Самозванец. 1898]

Мы рассматриваем данную конструкцию отдельно от случаев, когда *так* располагается дистантно от *как* и, по-видимому, является коррелятом. Интересно, что у комплекса *так как* возможен собственный коррелят:

(17) *Но так как в ту зиму, в которую он ходил стрелять, отморозил он себе обе ноги ..., то и здесь не был принят, получил несколько лозонов и был прогнан.* [НКРЯ: М. В. Ломоносов. Письмо М. И. Воронцову. 1763.02.05]

Выше мы привели примеры как из XIX, так и из XVIII в. Распределение конструкций по временным периодам показано на рис. 1 (процентные соотношения по вертикали отражают число данного типа конструкции от общего числа конструкций причины с *как*).

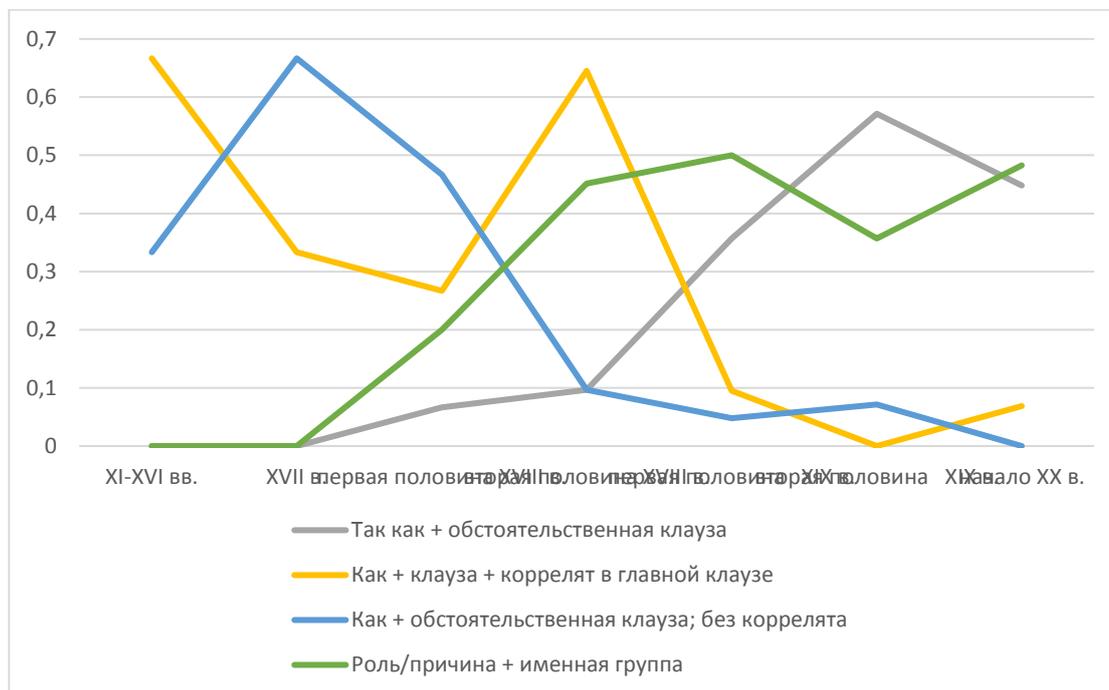

Рис. 2. Распределение конструкций со значением причины в ходе эволюции языка.

Можно видеть, что конструкции с *како* причины и финитной клаузой были распространены еще в XVIII в., а затем их употребление снижается и постепенно идет на спад. Конкретное распределение до этого времени, однако, не является информативным, т.к. представлено единичными примерами. Как известно, для СРЯ данные конструкции нехарактерны. Наоборот, конструкции с именными группами и нефинитными клаузами расширяют свое употребление к XVIII в. и сохраняются в СРЯ.

Для обстоятельственных предложений с *как* важен такой параметр, как позиция относительно главной клаузы. Судя по имеющимся примерам, конструкции с коррелятами строго требуют препозиции обстоятельственной клаузы, как в (13): в нашей выборке (см. таблицу 2 ниже) нет ни одного примера постпозиции (или интерпозиции) придаточного. По-видимому, это связано с первичной анафорической функцией коррелятов в таких конструкциях.

Конструкция причины + финитная клауза	как коррелят	как без коррелята	так как	Общий итог
1700–1750				
постпозиция	0	4	0	4
препозиция	2	1	1	4
1751–1800				
постпозиция	0	1	2	3
препозиция	25	2	1	28
1800–1850				
интерпозиция	0	0	1	1
постпозиция	0	0	6	6
препозиция	5	2	8	15
1851–1900				

постпозиция	0	1	8	9
препозиция	0	1	8	9
1901–1930				
постпозиция	0	0	12	12
препозиция	2	0	1	3

Таблица 2. Позиция зависимой клаузы с *как* относительно главной клаузы.

Между тем, *как* без коррелята и сочетание *так как* свободно допускают как препозицию, так и в постпозицию обстоятельственного предложения; последние также встречаются в интерпозиции. Это служит еще одним свидетельством того, что *так как* уже в начале XVIII в. переосмысливается как единый союз и функционирует не так, как сочетание других коррелятов с *как*.

Уточним, что мы не выявили семантических различий между причинным *как(о)* + финитная клауза с коррелятом и без него, поэтому далее мы в основном, описываем данные конструкции вместе. В принципе, примеры без коррелята начиная с XVIII в. немногочисленны и в большинстве своем допускают двоякую интерпретацию (не только причинную, но также временную или сравнительную).

Что касается конструкции с составным *так как*, ее экспансия наблюдается начиная с конца XVIII в., и как писал В.В. Винogradov, до 40-50-х гг. XIX века этот союз принадлежал прозе официально-делового стиля [Виноградов 1947: 719]. Мы сделали попытку проверить, насколько стиль документа оказывает влияние на употребление остальных конструкций с *как* в значении причины. Действительно, даже приблизительные подсчеты показывают, что в целом причинное значение *как* намного более частотно в официальных документах, нежели в общей выборке без разделения по жанрам и стилям: в документах XVII в. оба бесспорных примера на причинное *как* принадлежат деловой сфере. В XVIII в. *как* со значением причины более чем в два раза частотно в официальных документах, а в XIX в. в три раза (более точные цифры: в текстах XVIII в. из произвольно выбранных 100 употреблений имеется 16% примеров с *как* причины в официальных документах и 6,5% в общей выборке; в текстах XIX в. это соотношение составляет 27% на 7,5%). Однако более точные подсчеты противоречат выводу о влиянии стилистической принадлежности на употребление *как* в значении причины. Рассмотрим подробнее распределение четырех конструкций *како* в значении причины в зависимости от стиля документа (помета «сфера употребления» в НКРЯ) в XVIII в.

	роль (в качестве)	<i>как</i> + коррелят	<i>как</i> без коррелята	<i>так как</i>	Всего примеров с <i>как</i>
Конструкции с <i>как</i> причины					
первая половина XVIII в.					12
нехудожественная, официально-деловая	2				2
нехудожественная, публицистика	1				1
нехудожественная, учебно-научная		2			2
официально-деловая			4		5
публицистика				1	1
учебно-научная			1		1
Общий итог	3	2	5	1	392
вторая половина XVIII в.					
нехудожественная, официально-деловая	2	3		1	33
нехудожественная, официально-деловая, учебно-научная					5
нехудожественная, публицистика	6	6			89
нехудожественная, учебно-научная	1	5	1		76

бытовая, нехудожественная		1			15
художественная	5	10	2	2	162
Общий итог	14	25	3	3	380

Таблица 3. Распределение различных конструкций с *как(о)* причины в текстах разных стилей.

Можно видеть, что в текстах первой половины века конструкции причины встречаются довольно редко (всего 11 примеров из 392; из них 4 допускают неоднозначную трактовку). Материал второй половины уже позволяет сделать некоторые обобщения. Интересно, что распределение конструкций причины по текстам различной стилистической принадлежности практически одинаково. Мы оценивали значимость распределения конструкций по стилям (различным образом группируя конструкции и стили), и при любой группировке оценка значимости распределения конструкций по стилям оказывается незначима согласно критерию хи-квадрат Пирсона. В частности, это происходит если противопоставлять художественные vs. нехудожественные тексты по всем четырем конструкциям; если проставить официальные тексты vs. остальные по всем четырем конструкциям; если взять данные противопоставления, объединив все конструкции причины в одном столбце и т.п.

Это заставляет предположить, что во второй половине XVIII в. стилистический фактор не оказывает влияния на употребление *как* в значении причины. Встает вопрос, с чем связано такое серьезное преобладание (более чем в 2 раза) *как* причины в официальных документах, о котором говорилось выше. Мы допускаем, что это объясняется особенностью значения причины – как кажется, оно более характерно для официально-деловой речи, нежели для других стилей. В частности, по нашим данным, для летописей и грамот в большей степени характерно временное *как*. Причины и следствия обсуждаются в большей степени в литературе морализаторского направления и в официальных и юридических текстах, отражающих, например, споры о правах. По-видимому, более точное изучение данного вопроса требует обращения не к стилистическим характеристикам, а более дробному делению на жанры и типы документов; кроме того, безусловно, важно учитывать объем и степень разнообразия таких документов в выборке того или иного периода. Конечно, данные таблицы 2 представляют только грубую прикидку, т.к. мы не учитываем общее количество предложений в корпусных текстах, принадлежащих к различным сферам употребления.

Учитывая, что рост числа конструкций с *так как* наблюдается строго в период снижения употребительности конструкций коррелят + *как(о)*, кажется допустимым, что конструкция с *так как* является «наследником» конструкций «*как* + коррелят в главной клаузе». До XVIII в. конструкция «*как* + финитная клауза» употреблялось в значении причины и с различными коррелятами (*так, то, по сему, по тому* и т.п.), и без коррелята. К XVIII в. конструкция без коррелята начинает терять употребительность, а в начале XIX в. происходит закрепление сочетания *как* с одним из коррелятов, а именно *так*. В ходе закрепления данного комплекса в качества составного союза он может иметь плеонастический коррелят *то* (17) и допускает постпозицию (и интерпозицию) по отношению к главной клаузе. Это говорит о том, что на тот момент уже происходит типичный для грамматикализации союзов и союзных сочетаний реанализ (в терминах [Lehmann 2015]): *так* переосмысливается не как коррелят, а как часть союза. Параллельно с экспансией *так как* в значении причины употребление *как* с другими коррелятами снижается и полностью утрачивается в XX в.

Интересна история конструкции со значением роли, которая, как известно, сохранилась в СРЯ. Данная конструкция начинает расширять свое употребление к XVIII в. До этого периода в таких случаях активно употребляется *аки*³:

(18) *Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Рустіе сынове, аки началницю...* [ПВЛ, Лавр.]

³ Как и *како* в (12), *аки* в таких случаях может кодировать значение роли («в качестве»), без оттенка причины.

(19) ...наутрѣ же налѣзоша Тугтороканя мрътва, и взя и Святополкъ **аки тестя своего и врага**. [Воскр.]

(20) *Не смѣем реци и боимся тебе, честный отче, а гостя твоего отслали быхом отсюду **аки бездѣлна и бесчѣстна**, понеже невѣжда бѣ и поселянинъ: ни тебѣ поклонится, ни чти достойна въздасть...* [НКРЯ: Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского. 1417–1418]

(21) за оумноженѣ безаконии наши(х) попусти Бѣ поганѣ не **акѣ милуѣ** ихъ но на(с) кажа да бѣхо(м) встѣгнулиса ѿ злѣ(х) дѣлѣ и сими казньми казнить на(с) Бѣ нахоженѣ(м) поганѣ(х). [НКРЯ: Сузд.]

Важно отметить, что такое значение отмечается у *аки* в сочетаниях с существительными (18)–(19) прилагательными (20) и причастиями (21), но не с финитным глаголом. Большинство найденных в корпусе примеров включают обороты, напоминающие т.н. малые клаузы – т.е. не содержат собственный субъект, а лишь именной предикат с его зависимыми (*началницю, тестя своего и врага, бездѣлна и бесчѣстна, милуѣ ихъ*), который получает падеж от финитного глагола (*хвалять* в (18), *взя* в (19)).

В Изборнике 1076 г. и в переводных документах находятся аналогичные примеры со связкой:

(22) Стѣихъ оугождѣшихъ гоу моли: **аки помоштьныкы соушта** и застоупникы притѣкаюштиимъ къ нимъ... [НКРЯ: Изб.]

(21) оуповахомъ пребѣти в свободѣ, **аки безгрѣшни сѣще** прѣ(д) бѣгомъ, не прикасавшесѣ безаконнѣ сродникъ наши(х). [НКРЯ: История Иудейской войны Иосифа Флавия. XI—XIII вв.]

В оригинальных текстах такие примеры единичны, однако они имеются, ср.:

(22) *Се же глаголаше къ мнихом поселянинъ онъ, глаголемый земледѣлецъ, и въ правду реци поселянинъ, **аки невѣжа сый** и не смотряй внутрѣнима очима, но внѣшними, не вѣдый книжнаго писаниа...* [НКРЯ: Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского. 1417–1418]

Важно уточнить, что связка в таких сочетаниях выступает в нефинитных формах. Что касается финитных глагольных форм, они допустимы при *аки*, но значение причины для них, по видимому, не характерно. В НКРЯ среди примеров, где можно усмотреть оттенок причины, находятся лишь примеры на *л*-причастия в переводе Иудейской войны Иосифа Флавия.

Таким образом, можно заключить что *аки* в значении причины встречается преимущественно в так называемых малых клаузах, т.е. клаузах, где отсутствует субъект в именительном падеже, а содержится именной предикат без связки, или, если имеется связка, то она выступает в форме причастия, как в (21)–(22)). Различные варианты запросов в древнерусском, старорусском корпусе и текстах XVIII в. в основном корпусе с сочетанием «*аки/аки* + существительное / прилагательное / причастие + связка» дают лишь небольшое количество примеров, и все они, согласно нашей интерпретации, не имеют оттенка причины.

Как известно, *аки* становится менее употребительным и полностью утрачивается в языке XVIII в.; на рис. 1 показано, что этот период как раз совпадает с периодом экспансии конструкции роли с *как(о)*. В нашей выборке *как(о)* в конструкции роли не встречается до XVIII в., однако такие примеры встречаются в источниках:

(23) ...*И мы, как есть государи крестьянские, толмача твоего Аврама смертью казнить не велели есмь...* [Грамм. Иоанна Гр. 1574 г. Цит. по Булаховский: 371]

Заметим, что в отличие от большинства примеров, найденных в корпусе, здесь конструкция роли содержит связку.

В XVIII в. наблюдается рост числа таких примеров. Соответственно, можно заключить, что конструкция роли/причины с *како* «наследует» *аки*, однако в отличие от *аки*, конструкция с *како* допускает связку в финитной форме ().

По нашим данным, в XVI в. начинается рост употребления *како* в сравнительных конструкциях в функции маркера симилятива при именных группах [Kobozeva, Serdobolskaya 2021]. Конструкция роли закрепляется значительно позже, в XVIII в. В силу этого, мы не связываем употребление *како* в данной конструкции с его распространением в контексте симилятива. Скорее, это произошло в XVIII в. в силу экспансии *како* в целом на контексты, которые ранее обслуживались *аки*. Одним из важных факторов является изменение синтаксических свойств *како*: до XVII в. он практически не использовался при именных группах, однако в XVII в. он начинает вводить именные группы и малые клаузы. В силу этого, происходит экспансия *како* на контексты роли с малыми клаузами и замена *аки* в этих контекстах.

Заключение

Како/какъ употребляется в функции союза со значением причины еще в ранних документах начиная с XIII в.; до XVIII в. он вводит зависимые финитные клаузы причины с коррелятом в главной клаузе или без него. В XVIII в. конструкции без коррелята теряют употребительность; выбор коррелятов достаточно широк и включает как однословные деиктики (*то*, *так*), так и сочетания слов (*по тому*, *по сему*) и наречия (*следовательно*). Все более употребительным становится коррелят *так* в контактном расположении к *как*; остальные корреляты становятся все менее частотны. Уже в XVIII в. *так как* переосмысливается как единое целое, т.е. как составной союз, который, в свою очередь, может иметь коррелят в главной клаузе. В начале XX в. конструкция с составным союзом *так как* закрепляется в качестве единственной конструкции причины с *как*.

Конструкции роли с синтаксической структурой «*как* + малая клауза», имеют другую историю. По-видимому, они являются результатом экспансии *как(о)* на контексты, которые в XI–XVII вв. обслуживались *аки* в ходе развития у *как(о)* употребления с именными группами. Рост числа конструкций роли с *как(о)* наблюдается в XVIII в., параллельно с постепенной утратой *аки*.

Причинный союз *како/какъ* развился из вопросительного наречия *како/какъ* со значением причины, которое, в свою очередь, возникло из значения способа (= образа действия) в результате концептуальной метафоры: причина события -- это способ, которым оно было вызвано.

Список источников

Из издания «Полное собрание русских летописей», СПб: Типография Эдуарда Праца, 1841 и след. гг.:

ПВЛ: Повесть временных лет. XI–XII вв. Лаврентьевский список.

Лавр: Лаврентьевская летопись. XII–XIV вв.

НЛ: Новгородская первая летопись. XIII–XIV вв.

Воскр: Воскресенская летопись. XVI в.

Материалы сайта <http://gramoty.ru/birchbark/>

НГ: Новгородские грамоты. XII–XV вв.

Из коллекции <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Изб: Изборник. 1076

РП: Русская правда. XIV.

Ж: Жития святых. XII–XIV.

АН: Хождение за три моря Афанасия Никитина. Под ред. Лурье Я.С., Семёнова Л.С. Изд-е 3. Л.: Наука, 1986.

Вас: Повесть о болезни и смерти Василия III. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. / Вступит. статья Д.С. Лихачева. Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1985.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка.

Литература

Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот /Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

Булаховский Л.А. 1958. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа.

Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) Москва ; Ленинград : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Истрина Е.С. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. ПГ., 1923.

Кобозева И.М., Инькова О.Ю. 2018. «Как» и его двухместные варианты. // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / Под ред. О.Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 169–239.

Крысько В.Б. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь. Под ред. В.Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020.

Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: учеб. пособие для гос. ун-тов. М.: Изд-во МГУ, 1956.

Мельчук И.А. 1974. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М.: Наука.

ОСРЯ 2003 – Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные связочные глаголы. Под ред. В.В. Морковкина. Изд-е 2, испр. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2003.

Потебня А.А. 1968. Из записок по русской грамматике. Том III: Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение.

Прияткина А.Ф. Конструкция с союзом "как" в простом предложении современного русского языка // Русский язык в школе. - 1957. - № 6. - С. 47-52.

Рахилина Е.В. 1990. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Sagner.

Руднев Д.В. Сложное предложение // Историческая грамматика русского языка / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020.

Словарь русского языка XI–XVII в. М.: «Наука», 1975.
<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1893.

Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972.

Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.: ИРЯ РАН, 1998.

Шведова Н.Ю. (ред.) 1980. Русская грамматика. Т. I – II. М.: Наука.

Якубинский Л.П. История русского языка. М.: Учпедгиз, 1953.

- Diessel, Holger and Martin Hilpert. 2016. *Frequency effects in grammar*. In Mark Aronoff (ed.), *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. New York: Oxford University Press.
- Heine B., Kuteva T. 2006. *The Changing Languages of Europe*. Oxford: Oxford University Press.
- Hilpert, Martin and Stefan Th. Gries. 2009. Assessing frequency changes in multi-stage diachronic corpora: Applications for historical corpus linguistics and the study of language acquisition. *Literary and Linguistic Computing* 24/4, 385–401.
- Kobozeva I., Serdobolskaya N. Diachronic evolution of Russian standard markers *kako* and *aky*. *Linguistic Typology at the Crossroads*, Bologna, Italy, v. 1, n. 1, p. 257–287, 2021. <https://typologyatcrossroads.unibo.it/article/view/13431>.
- Lehmann Ch. 2015. *Thoughts on grammaticalization*. 3d edition. Language Science Press.
- Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Linguistics*. In press.